

Доўнар Т. І. Этапы и особенности в развитии законодательства ВКЛ //Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества; сб. науч. тр. / отв. ред. проф.В.Н.Карташов; Яросл. Гос. Ун-т.- Ярославль : ЯрГУ, 2015.- Вып. 14. – С.49-73.

УДК 34 (474/476) (091) (094)

УДК 343 (476) (091) «14/15»

В статье рассматривается история поэтапного развития права ВКЛ. Для первого этапа (XIV- нач. XVIв.) характерно издание отдельных нормативных актов различного содержания и сферы деятельности. Второму этапу свойственны систематизация законодательства и принятие в течение XVI в. трех Статутов – сводов законов государства.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское. Законодательство. Привилейный период. Грамоты. Судебник. Статутный период.

The article deals with the history of the gradual development of law in the Grand Duchy of Lithuania. The first stage (XIV - beginning of the XVI century) was characterized by enactment of separate regulations of the various content and action. The second phase was characterized by systematization of legislation and enactment during the XVI century of three Statutes - State law books.

Keywords: The Grand Duchy of Lithuania. Legislation. Privilege period. Charters. Code of law. Statutory period.

Т.И.Довнар

Белорусский государственный университет

Этапы и особенности в развитии законодательства Великого Княжества Литовского

T.I.Dounar

Belarusian State University

Stages and particular qualities in the development of the legislation of the Grand Duchy of Lithuania

Великое Княжество Литовское имело полиэтничный характер, однако, как отмечал Пресняков А.Е., было создано «на территориальной, этнографической и культурной основе белорусской» [1, с.7]. Политико-экономическим центром государства стали белорусские земли и в основу его права было положено главным образом обычное право древних белорусских княжеств (Полоцкого, Витебского, Турово-Пинского, Новогрудского и др.)

Достаточно длительный период основным источником права Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) оставалось обычное право, однако постепенно в процессе централизации государства складывается писаное общегосударственное (общеземское) законодательство. Уже с конца XIV ст. наблюдается всё более активная законодательная деятельность великих князей. Первые писанные нормативные акты, в которых постоянно подчеркивалось сохранение так называемой старины, состояли в основном из обычных норм.

Нормативные акты Великого Княжества Литовского носили различные наименования, о чем говорится в работах многих историков права

(Ф.И.Леонтовича, М.К.Любавского, И.В.Якубовского, М.Н.Ясинского и др.). На протяжении XIV – первой половины XVI ст. в зависимости от содержания, способов принятия и других обстоятельств они назывались ухвалами, уставами, постановлениями, грамотами, листами, артикулами, универсалами, привилеями и др., причем четкого разграничения между этими терминами не существовало, хотя определенные смысловые оттенки содержались в каждом названии. Так, нормативные акты по хозяйственным делам чаще назывались уставами, по военным делам и относительно налогов на военные нужды – универсалами, касаемых порядка несения воинской службы и наказаний за ее нарушение – артикулами. Уставы, как правило, издавались от имени великого князя, артикулы – от имени князя и гетмана. Грамотой, привилеем, листом назывались отдельные законодательные акты, которыми закреплялись права господствующего класса, сословия, определенных социальных либо этническо-религиозных групп населения, а также права населения отдельных земель государства [2, с.96]. С образованием сейма, принимаемые на нем нормативные акты именовались в основном ухвалами, уставами, постановлениями, а в XVII-XVIII вв. – и конституциями. Уже в XVI в. принимаются обширные систематизированные нормативные акты – Статуты, которые и стали основными нормативными источниками права.

В целом в правовом развитии Великого Княжества Литовского ученые несколько условно выделяют два основных периода – привилейный и статутный [3, с.149-150]. Характерной особенностью первого периода является принятие отдельных нормативных актов в форме листов, грамот, привилеев и т.д. Под этими названиями до нашего времени дошли очень разные по характеру правовые документы – договорные, пожалованные, уставные, льготные, охранные, судебные и др., причем те из них, которые имели, несомненный законодательный характер, назывались чаще «листами» и «грамотами», если были написаны на старобелорусском языке, а также «привилеями» – при написании их на латинском языке. Современные ученые чаще применяют единое название этих актов – грамота или привилей.

По предмету регулирования и конкретному содержанию они разделялись на пожалованные в узком смысле слова; льготные или привилеи – в собственном смысле этого слова, т.е. частные законы, которые включали общие нормы в пользу определенной категории людей или в целом сословий и т.д.; а также на специальные жалованные грамоты охранного характера. Грамоты первого вида – это пожалования конкретным лицам или учреждениям недвижимого имущества (земельных угодьев, промыслов и др.), титулов, званий (например, принадлежности к шляхетскому сословию) и т.д. В смысле источников права такого рода грамоты особо значения не имели.

Грамоты же второго вида занимали существенное место в системе источников права. Среди них отдельную категорию составляли грамоты со случайным и частным характером, ибо в них были записаны одна или несколько однородных льгот. Хотя и их содержание показывает, как с частных привилегий постепенно вырастали общие сословные права определенной категории населения. Грамоты же с более широким, публичным характером и сложным содержанием включали в себе совокупность разнообразных льгот и

преимуществ, а самое главное – жаловались они фактически юридическим лицам – землям, городам, сословиям. Эти феодальные законы принимались в интересах крупных единиц государственного механизма. Среди таких грамот (привилеев), которые выдавались городам, областям, церковным организациям, татарам, евреям и т.д. особое место занимают грамоты, принятые на пользу шляхетского сословия.

По содержанию, территории действия и кругу охваченных законом лиц ученые разделяют их на общеземские, которые охватывали всю территорию государства и, несмотря на то, что адресовались шляхецкому сословию, касались всего населения; областные, которые адресовались населению отдельных территориальных единиц государства (как правило, бывших удельных княжеств); городские, даваемые городам преимущественно на магдебургское право; волостные, адресованные крестьянам одной или нескольких волостей [2, с.97].

За время существования Великого Княжества Литовского было принято много разнообразных грамот (привилеев), большинство из которых имело весьма существенное значение для дальнейшего развития правовой сферы государства. Особенно это касается общеземских грамот, которые имели, несомненно, конституционный характер и отразили в себе процесс формирования сословия шляхты. Так, они регламентировали государственный суверенитет, права и обязанности населения, в первую очередь шляхты и др.

Одной из первых грамот, которая имела общегосударственный характер и свидетельствовала о процессе унификации права в границах всего государства, была грамота великого князя Ольгерда 1359 года. В ней говорилось, что жители государства имеют определенные трудности при рассмотрении их судебных дел, поэтому великий князь дает права суда своим хоружим, но при этом апелляции подаются государю «по обычаю давному» [4, с. 67].

Особое значение имели три грамоты великого князя Ягайлы 1387 года, которые были изданы с целью реализации условий Кревской унии 1385 года. В первой из них от 20 февраля 1387 года, провозглашался ряд прав и привилегий для лиц, принявших католическую религию [5, с.39-41]. Этой грамотой руководство государства надеялось заманить в сети католицизма как можно большее число феодалов и крестьян. Многие свободные крестьяне, принявшие католическую веру, освобождались от целого ряда повинностей, получали наименование рыцарей или бояр, а несколько позднее – шляхты. За ними закреплялось право собственности на земельные участки, бывшие в их владении, что и послужило основанием отнесения их к сословию шляхты.

Второй грамотой от 22 февраля 1387 года католическое духовенство в Беларуси и Литве наделялось обширными землями и широкими правами по отношению к простому народу. Феодально-зависимые от католического духовенства люди исключались из государственной юрисдикции. Всё население государства обязывалось переходить в католическую веру, запрещались смешанные браки. Имена и другие доходы, переданные католической церкви и духовенству, освобождались от всякого рода служб и повинностей в пользу государства, что вело к усилению влияния духовенства и ослаблению самого государства.

Третья грамота от 28 апреля 1387 года была выдана князю Скиргайле (Ивану) в связи с тем, что великий князь Ягайло стал королем Польши. Она явилась юридическим актом, узаконившим передачу великокняжеских полномочий в Великом Княжестве князю Скиргайле, при этом Ягайло обещался соблюдать «княжения и державы» Скиргайлы. Тем самым грамота свидетельствовала о сохранении обособленности Княжества от Польши, хотя Скиргайло и признавал верховенство своего старшего брата Ягайлы.

Дальнейшее уточнение союзнических отношений с Польшей было осуществлено в 1401 году в двух грамотах Виленско-Радомской унии, в которых феодалы обоих государств взаимно обещали сохранять союзнические отношения и поддерживать друг друга в случае опасности. Эта уния послужила исходным моментом в организации и объединении сил восточно-европейских народов в их борьбе с крестоносцами. После Грюнвальдской битвы 1410 года Великое Княжество Литовское и Польша заключили в 1413 году новую унию, которой польские феодалы пытались узаконить дальнейшее усиление своего влияния и окатоличивание населения ВКЛ. Уния вызвала неоднозначную реакцию феодалов-литвинов, многие из которых высказывали протест против нее на последующих сеймах.

Наиболее активно общеземские грамоты принимались на протяжении XV – XVI столетий. Особое государственно-правовое значение грамот 1432, 1434 и 1447 годов заключалось в том, что ими была создана юридическая основа формирования прав и привилегий всего сословия шляхты, а не только феодалов-католиков. Положения и принципы общешляхетского права были изложены уже в грамотах 1432 и 1434 годов, принятых на Гродненском сейме [2, с.101]. Так, в грамоте 1434 года провозглашалось стремление руководства государства поддерживать единство населения и, независимо от религиозной принадлежности, обеспечить всем феодалам возможность пользования «равными милостями». С этой целью православным феодалам разрешалось пользоваться знаками шляхетства – гербами, полученными феодалами-католиками по привилею 1413 года.

Более полно эти положения и нормы получили развитие в грамоте великого князя Казимира 1447 года. Характерно, что ее действие распространялось не только на класс феодалов или сословие шляхты, но также и на городских жителей – «местичей». Грамотой законодательно закреплялась территориальная целостность государства и его суверенные права. Эти нормы были направлены в первую очередь против захватнических поползновений польских феодалов. Новым в грамоте было запрещение правительству раздавать государственные должности и имущества иностранцам. Для феодалов провозглашалось право свободно выезжать за границу «для лепшого шчасця набытия, а любо учинков рытерских» [5, с. 42]. Кроме того, грамотой был закреплен важный правовой принцип – ответственности правонарушителя за собственную вину: «Також за проступку, каково ль коли проступить, ни хто иный, только тот виноватец, хто проступить, подлуг права христьянского имать быти казнен; штож ни жена за проступку мужа своего, а ни отец за проступку сына, а ни иный прирощенный, а ни слуга, только олиж бы был причастник тое проступки... » [5, с. 42]. Причем эти положения распространялись на всех

свободных людей в государстве. Одновременно грамота усиливала зависимость крестьян от феодалов, т.к. последние получили монопольное право сбора с зависимых людей налогов (серебщины, дякла и др.) и право суда над ними. К тому же вводились ограничения в праве перехода крестьян от одного феодала к другому, что позволяет считать данную грамоту правовым актом, заложившим основы юридического оформления феодальной зависимости крестьян.

В развитии права Великого Княжества особое место принадлежит грамоте, выданной великим князем Александром в 1492 году. В ней были подтверждены, с некоторыми дополнениями и уточнениями, все ранее провозглашенные права и льготы сословия шляхты, а также получила юридическое оформление рада – высший орган государственной власти. Соответственно грамоте великий князь не имел права отменять или изменять законы, постановления и судебные решения, принятые совместно с радой, а в случае разногласия он обязан был выполнять решение рады. Князю запрещалось что-либо изменять или поправлять в принятых постановлениях [5, с.48]. В грамоте были изложены также принципы назначения на государственные должности; регламентировались требования к должностным лицам (например, им запрещалось вымогать у населения и подчиненных разного рода подачки), признавалась законная сила местных правовых обычаев; содержались нормы, направленные на улучшение деятельности судов и др. Кроме положений, касаемых общественного и государственного строя, в грамоте были закреплены ряд новых норм в сфере уголовного, гражданского и международного права. Так, закрепляя принципы мирной международной политики, Княжество обязывалось поддерживать дорососедские отношения с соседними государствами, придерживаться ранее заключенных соглашений о мире и союзах и не нарушать договоров. Интересно то, что говорилось о международных отношениях на уровне посольств, т.к. назывались государства (Московия, Заволжская Арда, Перакопская Арда, Валахия, Королевство Польское, княжества Мазовецкое, Пруссия, Ливония, Псков, Великий Новгород Ноўгарад, Тверь и Рязань), в которые традиционно посылались послы [5, с.48]. В связи с этим в историко-правовой литературе грамота Александра иногда называется «малой феодальной конституцией» [3, с.148].

Подлинные первоначальные тексты областных грамот нам неизвестны, но они неоднократно подтверждались в последующих, подтвердительных грамотах. Наиболее важными из них являются грамоты, выданные Витебской земле (1503, 1509 и 1561 годов), Полоцкой земле (1511, 1547, 1580, 1654 годов), Смоленской земле (1505 года), Бельскому повету (1501 и 1547 г.г.), Мстиславскому повету (1551 г.) и др. [3, с.151]. Самые древние нормы этих грамот были выработаны в тот период, когда эти земли выступали часто самостоятельными государствами, которые, принимая к себе того или иного князя, заключали с ним «ряд». При этом князья давали обещание соблюдать права жителей данной земли и не нарушать норм местного права. Традиция не нарушать «старину» продолжилась и после включения этих земель в состав Великого Княжества, о чем и говорилось в областных и волостных грамотах.

Само наличие этих грамот свидетельствовало об особом положении этих земель в составе Великого Княжества Литовского. Сохранение земли как

единого целого и обособленной административно-территориальной единицы было закреплено во многих нормах. Например, говорилось: «А Витебляны нам не даритися никому», «А в заставу нам бояр и мещан полоцких и поселских путников не посылати», «Давати нам воеводу нашего полочаном по их воли; а который будет воевода наш нелюб им, и нам им воеводу нашего дати по их воли» [5, с.67, 74, 76]. Автономный характер этих земель проявлялся и в законодательном закреплении прежних норм местного права. Так, судить полочанина следовало только в самом Полоцке с участием полочан и по полоцкому праву. За боярами и мещанами этих земель признавалось право свободного выезда с земли. «Теж Полочаном всим жити в Полоцку добровольно покуль хто хочеть; а будеть ли которому Полочанину от нас насильство, нам его силою не держати, ино ему путь чист, куда хто хочеть, без каждое зачепки...» [5, с.76]. Как видно, и эта статья рассматривает полоцкую землю как автономную область, население которой пользуется особыми правами и льготами. Это правило при принятии грамоты Казимира 1447 г. было распространено на феодалов всего государства. Об этих землях, как едином целом, указывалось и во вступительных частях грамот. Так, говорилось: «Били нам чолом бояре полоцкие и мещане, и вес город, вся земля Полоцкая...» [5, с.73]. Интересно, что при взыскании мыта, при перевозке товаров из одной части государства в другую, вопрос решался фактически в соответствии с международным правом. Например, в Смоленской грамоте было записано: «если бы Полочане брали на Смолянех мыто от соли и от воску, и его милость також Смолянном велел брати на Полочанех от соли и от воску; а если бы Полочане на Смоленянех не брали, ино и Смолняном на Полочанех не брати» [5, с.70].

Сравнивая текст общеземских и областных грамот, видно, что многие нормы их содержат тождественные положения. Учитывая, что нормы областных грамот имели более древний характер, можно сделать вывод, что в этой части общеземские грамоты особо ничего нового не вносили, а только распространили местное обычное право, действовавшие ранее на территории отдельных белорусских земель, на все государство.

Для изучения древнего быта крестьян, их повинностей перед государством и феодалами особый интерес представляют нормативные акты, выданные волостям – господарские листы, уставы, выроки и др. Выдавались они, чаще всего, белорусским волостям вследствие челобитной жалобы населения волости на нарушения «старины» и произвол местной администрации. Эти акты по своему содержанию имели различный характер. Одни из них довольно подробно определяли размеры ряда повинностей населения (подати деньгами, продуктами труда, охоты, промыслов, различные работы), другие же касались только одной или нескольких повинностей [2, с.110]. Общий же анализ этих актов позволяет восстановить в значительной мере характер феодальной эксплуатации сельского населения. При этом в волостные грамоты вписывались как старинные налоги и повинности, которые несло население на протяжении многих веков (полюдье, дякло, куница, серебщина, въезд, станции и др.), так и новые (денежный оброк, например). С развитием феодальных отношений и процессом закрепощения крестьян старые

обычаи нарушались, вводились новые повинности и налоги. Особенно разорительными для населения были различные поборы в пользу местных должностных лиц, которые, стремясь к наживе, разоряли целые деревни.

Заботясь о доходах государственной казны, правительство стремилось к тому, чтобы полученные с населения различные сборы не оседали в руках местных должностных лиц (воевод, старост, наместников, державцев), а поэтому стремилось ограничить власть этих лиц по отношению не только к жителям волостей, но и городов. Грамоты жителям белорусских городов на магдебургское право юридически оформили статус мещан и выделение их в особое сословие со своими органами управления и суда. Такие грамоты на протяжении столетий в основном получали белорусские города: Вильно в 1387 г., Брест в 1390 г., Гродно в 1391 и 1496 гг., Слуцк в 1441 г., Полоцк в 1498 г., Минск в 1499 г., Новогрудок в 1511г., Слоним в 1531г., Могилев – 1577 г., Орша – в 1620 г. и т.д. [2, с.111]. При этом указывалось, что выдаются они для сохранения в памяти людской прав и льгот с целью улучшения положения горожан и создания условий для процветания города, а также для увеличения доходов государственной казны. Так, в грамоте, выданной городу Минску в 1499 году, указывалось, что она выдается с тем, чтобы «положенья места нашего Менского в мере лепшой поставити» [5, с.94-95].

Во всех городских грамотах содержались указания на освобождение горожан от власти и суда воевод, старост и других должностных лиц общего управления и о передаче властных полномочий в руки городского войта, лент-войта, бурмистров, радцев и лавников (заседателей). Первостепенное значение в грамотах имели нормы, устанавливавшие порядок образования и компетенцию городских органов управления. В литературе зачастую эти органы именуются местным самоуправлением, хотя в тот период подавляющее большинство городского населения не принимало участия в создании органов управления в городах и не оказывало прямого воздействия на их деятельность. Установление войтовско-бурмистерской власти в городе изменяло лишь форму правления. Однако существенные элементы самоуправления в городах с магдебургским правом с течением времени проявлялись все больше.

Необходимо подчеркнуть, что общеземские и другие грамоты принимались и после введения в действие Статута 1529 года, когда начался качественно новый период в развитии законодательства – статутный, отличающийся высоким уровнем систематизации права и приоритетом кодифицированного закона. Как правило, последующие грамоты в основном подтверждали прежние положения, хотя в более систематизированном виде и с некоторыми необходимыми дополнениями. Однако принимались и такие грамоты, которые имели весьма существенное правовое значение, например, Бельская 1564 года, положившая начало судебной реформы в государстве или Виленская 1565 года, оформившая деятельность поветовых сеймиков.

Постепенное усиление государственной власти, развитие феодальных отношений вызвали необходимость унификации разрозненных правовых норм, действовавших в разных воеводствах, поветах и княжествах. Тем более, что господствующий класс феодалов был заинтересован в полном юридическом оформлении своих прав и привилегий и в закреплении феодально-зависимых

людей. Особенно заботились феодалы о защите своей собственности, на которой основывалось их экономическое и политическое господство. В целях усиления уголовной ответственности за кражи и приведения в единый порядок судопроизводства по этим делам в 1468 году был издан закон, получивший в историко-правовой литературе наименование Судебника [5, с.105-110]. В него были включены нормы уголовного, уголовно-процессуального и административного права. Первые статьи Судебника устанавливали порядок возмещения вреда, причиненного кражей имущества, ответственность членов семьи вора и домохозяина, давшего приют вора и др. Основными видами наказания по Судебнику были: смертная казнь через повешенье, денежные взыскания и телесные наказания. В одной из статей содержалось правило, запрещавшее судьям и потерпевшему, освобождать вора от смертной казни. Феодалный классовый характер Судебника наиболее ярко проявился в статье, предусматривавшей смертную казнь за организацию побега челяди невольной и феодално-зависимых людей. «А который будет люди выводит, а любо челядь невольную, а ухватять с лицом – того на шибеницю» [5, с. 110]. Все это свидетельствовало о тенденции ужесточения наказания и законодательном закреплении новой цели наказания – устрашения. В целом Судебник 1468 г. заложил основу дальнейшей систематизации писаного права.

С конца XV в. имевшее место законодательство стало не удовлетворять растущим потребностям государства, тем более, что был накоплен уже весьма значительный массив грамот, уставов, ухвал и др. В связи с этим на сеймах неоднократно поднимается вопрос о приведении его в систему. В начале XVI в. образуется кодификационная комиссия, состав которой точно неизвестен, однако в работе которой, по предположению некоторых ученых, принимал участие знаменитый белорусский мыслитель Франциск Скорина, имевший к этому времени степень не только доктора медицины, но и доктора права [3, с. 163]. Сопоставляя его теоретико-правовые воззрения и положения Статута, можно видеть, что многие его взгляды нашли отражение в Статуте. В пользу такого предположения может служить и тот факт, что правительство имело намерение издать Статут в Скорининской типографии. Уже в июне 1522 г. Виленский сейм постатейно начал обсуждать его предварительную редакцию, о чем, как отмечают ученые, кратко упоминают некоторые документы [6, с. 227]. Однако борьба между группировками феодалов по проекту нового закона затянулась и обсуждение его было продолжено на последующих сеймах. Окончательно Статут принимается сеймом 29 сентября 1529 года [7].

По своему содержанию Статут фактически был первым в Европе систематизированным сводом законов [3, с.164], а не кодексом, как считали некоторые ученые [8, с.509, 511]. Он был написан на белорусском языке того времени. При его составлении впервые был решен ряд сложных теоретических и практических вопросов, в том числе относительно порядка расположения статей. Статут состоял из 13 разделов и 244 статей (артикулов). Позже в его рукописные списки постепенно включались новые статьи. Если прежние законы были написаны сплошным текстом, то Статут был структурированным законом, разделенным на разделы и статьи, причем система размещения правового материала отличалась от традиционной римской. Законодатели

смогли разработать такую систему расположения правового материала, которая во многом подобна современной. Так, в трех первых разделах содержались в основном нормы конституционного характера или иные принципиально важные правовые положения; в четвертом и пятом – в большинстве нормы брачно-семейного и наследственного права, в шестом – процессуального, в седьмом – уголовного, в восьмом – земельного, в девятом – лесного и охотничьего, в десятом – гражданского, а с одиннадцатого по тринадцатый раздел – уголовного и уголовно-процессуального права. Конечно же, не всегда принятая за основу новая система права строго выдержана в Статуте, т.к. впервые создавался закон такого высокого уровня.

Ученые отмечают, что Статут 1529 г. основывался на обычном праве и накопленном уже массиве писаного законодательства [2, с.123]. Важным было то, что он включал конституционные нормы, в которых регламентировался суверенитет Княжества, определялись prerogatives великокняжеской власти (раздел), права и обязанности сословия шляхты, в том числе вопросы «обороны земской» (разделы I - III) и многое другое. Первый Статут внес значительный вклад в регламентацию деятельности органов государственной власти. Так, закон говорил, что во главе государства стоит великий князь (господар), который обязывался сохранять территориальную целостность государства, не отнимать у шляхты должностей и имущества без суда, соблюдать все старые законы и новые издавать только совместно с панями-радой. В нем функции рады были не только закреплены, но и значительно расширены, прежде всего в области законодательства. Об этом свидетельствует ряд статей, в которых говорится, что законы принимаются «с призволением рад...», «... с паны радами нашими», «с порадаю рад наших ...» (ст.6, р. III; ст.25, р.VI и др.). Однако, несмотря на то, что власть князя к этому времени была значительно ограничена, во введении к закону он выступает как единодержавный («божьей милостью») монарх, дарующий христианские права своим подданным.

В связи с процессом консолидации класса землевладельцев в единое шляхетское сословие, актуальным в тот период стал вопрос о недоступности вхождения в привилегированное сословие выходцам из других сословий. Статут прямо предписал: «Простых людей над шляхту господар не маєть повышати» (ст.10, р. III). Третий раздел Статута был в целом посвящен т.н. шляхетским вольностям. В ряде статей говорилось об охране земельной собственности шляхты, в том числе об ограждении ее от претензий иностранцев: «Держаней и честей чужоземцом не мають даваны быти» (ст.3, р. III). Однако, обеспечивая правовую охрану привилегий сословия шляхты, закон одновременно от лица великого князя объявлял: «... вси подданные наши, так вбогие яко и богатые, которого раду колве або стану были бы, ровно а одностайным тым писаным правом мають сужоны быти» (ст.9, р. I). При этом Статут предписывал судьям и должностным лицам рассматривать судебные споры на основании «писаных прав», однако имелась оговорка, что в случае, если их нельзя было решить на основании статутных норм, судьи могли решить дело «водлуг старого обычая», т.е. на основе обычного права.

О прогрессивных тенденциях в праве свидетельствует и закрепленное в преамбуле и в ряде статей Статута право любой стороны судебного процесса

обжаловать великому князю и панам-раде судебное решение, особенно в том случае, когда подсудимый считал, что дело решалось не на основании писаного закона. Однако во всех случаях сторона должна была дожидаться окончательного решения суда (ст.5, р.VI), что, по мнению законодателя, должно было пресечь излишнюю судебную волокиту. Одновременно в условиях имевшего места произвола крупных феодалов закон повышал ответственность за невыполнение судебных решений (ст.12, р. I).

Забываясь об уважении судебной власти, Статут предусматривал строгие меры наказания за нарушение порядка в зале суда – хулиганство, совершение различного рода насильственных действий как со стороны тяжущихся сторон, так и самих судей (ст.17,18, р.VI). Даже в случае обнажения меча в суде предусматривалось отсечение руки, в случае же ранения – смертная казнь. Статутными нормами ограничивался произвол феодалов и местной администрации, упорядочивались правоотношения, в том числе в области судопроизводства. Например, в городские суды вводились присяжные шляхетские заседатели, допускалось участие в суде адвокатов, провозглашалась правовая защита простых людей и др. Вместе с тем, Статут 1529 года являлся типичным феодальным законом, который заботился в основном о правах шляхты и весьма ограничивал права простого населения.

Введение в действие Статута 1529 года способствовало укреплению феодального правопорядка и знаменовало собой крупный шаг в развитии теории и практики правотворчества. Была определена граница между партикулярным средневековым правом и новым систематизированным законодательством [9, с.26]. С этого времени выносят решения уже не на основании обычного права, а «яко в Статуте господарском описуеъ», «водлуг Статута земского», а в сложных случаях обращаются к князю «за наукой» [10, дела №№ 20, 21,84, 115, 207 и др.]. В необходимых случаях на сеймах вносились поправки в закон.

Новые социально-экономические явления в жизни государства (укрепление позиций местной шляхты, активизация товарно-денежных отношений и др.) потребовали значительных изменений в праве. На сеймах шляхта начинает требовать «поправки» Статута 1529 года. В ноябре 1551 г. великий князь Сигизмунд-Август в ответ на просьбы депутатов сейма и с согласия панов-рады создает комиссию из 10 человек (5 католиков и 5 православных). В подготовке проекта нового Статута участвовали многие должностные лица и ученые, в том числе, по предположению ученых, два «доктора прав чужеземских» – королевский секретарь, «гишпан з Арагона» Петр Роизий и виленский войт Августин Ратондус [11, с.82]. Кроме того, в Вильно в то время проживали и занимали государственные и церковные должности ещё два доктора права: Станислав – «кустош» виленский и Вацлав Чирка из Волковыска – виленский каноник. Предположительно, что и их познания в праве были использованы в процессе законотворчества. Работой комиссии руководил известный государственный деятель, канцлер Великого Княжества Литовского и одновременно воевода виленский, маршалок земский, староста берестейский и ковенский Николай Янович Радзивил Черный, благодаря которому в Беларуси расширилось книгопечатание, были созданы

типографии в Несвиже и Бресте. Кроме того, с его участием проводилась судебная и административно-территориальная реформа в государстве. Он занимался подготовкой многих правовых актов, например, «Уставы на валюки» 1557 г., согласно которой вводилась новая система налогового обложения, в основу которой был положен участок земли в одну волоку (более 21 гектара).

С 1561 г. подготовленный проект Статута уже систематически обсуждается на сеймах. Была сделана попытка утвердить его на Бельском сейме 1564 г., однако полностью он был введен в действие постановлением Виленского сейма 1 марта 1566 г. Статут был принят с приложениями – Виленскими привилеями 1563 г. и 1566 г., Бельским привилеем 1564 г., а также сеймовыми постановлениями 1566 г. [10]. Привилей 1563 г. имел задачу не допустить междоусобной войны между представителями разных конфессий христианства. Особенно в этом были заинтересованы кальвинисты и их лидеры. Этим привилеем снова подтверждалась отмена дискриминационных норм Городельского привилея 1413 г., и объявлялось, что все христиане, не только католики, но православные и протестанты, могут пользоваться шляхетскими привилегиями. Виленским привилеем 1565 г. окончательно законодательно оформлялась деятельность сеймика – представительного органа поветовой шляхты. Важное конституционное значение имел привилей 1564 г., который вводил в жизнь новый правовой принцип отделения судебной власти от исполнительной. Согласно этого закона воеводы, старосты и другие местные должностные лица лишались (хотя говорилось об их добровольном отказе) права вершить суд над шляхтой. «Новым порядком в сем часе учиненных постановеных и в Статуте описанных» [12, с.14-15.] создавались земские суды – отделенные от администрации выборные шляхетские суды.

В Статуте 1566 г., содержащем 14 разделов и 367 статей, нашли отражение вся глубина, разнообразие и противоречия социально-политической и экономической жизни государства. В связи со сложившейся исторически традицией унийных отношений с Польшей важным в новом своде законов было заявление, от имени великого князя, о суверенитете Великого Княжества Литовского. В нем повторялись положения Первого Статута о запрещении иностранцам (в первую очередь имелись в виду поляки) занимать должности, иметь чины, звания и земли в ВКЛ (ст.9, р.ІІІ). На более высоком теоретическом уровне Второй Статут повторял положения о единстве права на всей территории государства, приоритете писаного закона и др.

Важнейшие изменения в Статуте 1566 года касались прежде всего запрета пользования обычным правом (хотя следующий Статут отменил это положение), а также вопросов конституционного, гражданского права и судопроизводства. Хотя статутными нормами был закреплен феодальный общественный строй, но вместе с тем содержались нормы, которые закрепляли ростки нового буржуазного права. Например, было положено начало законодательной регламентации разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Был сделан существенный шаг в вопросе создания независимой от исполнительной власти судебной власти. Согласно закону, в каждом повете шляхта на сеймике избирала со своей среды по четыре кандидата на должности судьи, подсудка и писаря, а затем великий князь из

этих 12 кандидатов назначал пожизненно судьей, подсудком, писарем – членом новых земских судов (ст.1, п.IV). Образование выборных, независимых от администрации судов, привело к радикальным изменениям в правовой теории и взглядах в обществе на суд. Преобразование суда в орган охраны не только государственных интересов, но и частных, свидетельствовало о первых шагах по пути создания независимой судебной власти, в контексте которой было положено начало утверждения принципов гласности судопроизводства, состязательности сторон, участия адвокатов в судебном процессе и независимой оценке доказательств. Если в Первом Статуте только одна статья была посвящена адвокатам (иностранцам запрещено было быть адвокатами), то во Втором Статуте затрагивались уже вопросы адвокатского статуса.

Следует подчеркнуть, что в Статут 1566 года была включена статья, провозглашавшая некоторые политические права простых людей. Так, говорилось, что будут соблюдаться права феодалов, а также мещан и «всех людей посполитых у Великом князстве Литовском и во всех землях того панства... в которых они, яко люде вольные, вольно обираючи из стародавна из вечных своих предков себе панов и господарей Великих князей Литовских» (ст.2, п.III). Объявлялось также, что все жители государства должны руководствоваться и судиться «тым одним правом писаным» (ст.1, п.1), хотя в целом система органов государственной власти и управления строилась на общих принципах феодального права: закреплении неравенства среди разных социальных групп населения, создании льгот и преимуществ сословию шляхты, невозможности для простых людей участвовать в управлении государством. Только шляхте гарантировалась личная свобода, освобождение от налогов и повинностей, право занимать должности в государственном аппарате и суде, владеть имениями и феодально-зависимым населением, участвовать в поветовых сеймиках, избираться делегатами на общегосударственный сейм. Благодаря деятельности сейма, который ограничивал власть великого князя и рады, повышалась политическая активность сословия шляхты. К компетенции сейма относились вопросы избрания монарха, принятия законодательных актов, налоговой политики, международных отношений и др.

Переход к новым, буржуазным правоотношениям проявился в нормах, которые закрепили право частной собственности на землю. Если по Статуту 1529 г. владелец отцовского имения имел право свободно распоряжаться только одной третьей частью землевладения, то Статут 1566 г. установил новое правило, согласно которому феодалы имели право полностью им распоряжаться (ст.1, п.VII). В связи с законодательным закреплением права шляхты на полное распоряжение недвижимостью, в нем регламентировалось и создание специальных, подкоморских судов по земельным спорам шляхты. Кроме того, Статут дополнил нормы, направленные на охрану природы, поддержку и увеличение ее ресурсов, рациональное их использование (десятый раздел). Санкции природоохранных норм свидетельствовали, что леса, реки, озера, ценные породы животных и птиц находятся под охраной закона.

В уголовном праве также нашли отражение новые прогрессивные тенденции. Например, говорилось, что свободный человек ни за какое преступление не должен терять свободу. Впервые предусматривалось

применение уголовного наказания только к лицам, достигшим 14 лет (ст.8, р.IV), а также была сделана попытка сформулировать понятие презумпции невиновности в отношении шляхты, которое позже Статутом 1588 г. было распространено и на простых людей.

В связи с социально-экономическими и политическими изменениями в государстве, в том числе вызванными незаконным присоединением Подляшья и Украины к Польше и образованием Речи Посполитой, возникла необходимость в изменении законодательства. Образуется новая статутная комиссия во главе с канцлером Астафием Валовичем и подканцлером Львом Сапегой. В 1572 году после смерти короля Сигизмунда-Августа отношения между Великим Княжеством Литовским и Польшей стали настолько неприязненными, что даже не исключалась возможность разрыва союза (унии) с Польшей. В связи с этим руководство Княжества не считало нужным согласовывать нормы Статута с польским правом в соответствии с постановлением Люблинского сейма. Отсутствие следов работы вышеуказанной комиссии может свидетельствовать о том, что и сама комиссия с 1572 года перестала существовать. Однако на сеймах ВКЛ постоянно поднимается вопрос об улучшения законодательства, в связи с чем статутная комиссия возобновила свою работу и в 1584 году представила готовый проект Статута. Поскольку новый закон игнорировал Люблинскую унию 1569 года, Польша не соглашалась его утвердить на общем сейме Речи Посполитой. С целью сохранения великокняжеского трона король Сигизмунд III личным привилеем от 28.01.1588 г. утвердил Статут.

Новый свод законов ВКЛ имел не только более значительный объем (14 разделов, 488 статей), но и более совершенную систему расположения правового материала [13]. Статут превосходил предыдущие законы шириной охвата регулирования общественных отношений. Ученые отмечают, что весь закон был проникнут идеей правового государства, о чем прежде всего свидетельствуют закрепленные им прогрессивные правовые принципы – суверенитет государства, разделение властей, ограничение власти государя, единство права, верховенство закона, равенство свободных людей перед законом (хотя сам закон регламентировал феодальные отношения), право каждого свободного человека на собственность, охрану жизни и здоровья и др. [3, с.173]. Для шляхты предусматривалось право представительства в органах власти, неприкосновенность личности и имущества, свободный выезд за пределы государства и многое другое. Всё это свидетельствует, что Статут являлся важным конституционным законом. Тем более, что в его нормах получило законодательное закрепление сохранение Великого Княжества Литовского как самостоятельного государства. Многие ученые отмечали, что составители Статута не внесли в него ни одной нормы, которая могла бы быть использована во вред государственной самостоятельности. В нем даже содержалась статья, обязывающая монарха вернуть в состав государства ранее отторгнутые от него земли (ст.4, р. III). В этом плане важное значение имела и закрепленная в прежних статутах норма, которая запрещала назначать на должности иностранцев и наделять их имуществом.

В Статуте 1588 года была продолжена наметившаяся в предыдущих законах тенденция ограничения власти монарха. Об этом же говорит Лев

Сапега в предисловии к Статуту. Так, он подчеркивает, что все жители государства должны подчиняться закону, причем это касается и самого великого князя: «...сам господар пан наш жадное звирхности над нами заживати не может, одно только колько ему право допускает» [13, с.47]. В законе были перечислены вопросы, которые великий князь должен был принимать только совместно с радой или сеймом (ст. 2, р.1; ст.ст. 1, 2, 4, 5, 12, 13, р.III). При этом развитие получили вопросы о деятельности сейма, на котором вырабатывалось общее направление внешней и внутренней политики государства (ст.ст. 6, 7, 8, 9, р.III). К компетенции сейма в первую очередь относились вопросы избрания великого князя, международных отношений, введения новых и изменения старых налогов и повинностей, установления таможенных пошлин, принятия или изменения законодательства.

Весьма важными были положения Статута, которыми все должностные лица государства, включая самого великого князя, обязывались действовать в соответствии законом, защищать интересы государства и народа. Именно в этот период не только обращается усиленное внимание мыслителей и законодателя на единство народа и независимость государства, но и начинает очерчиваться представление о едином гражданстве, т.к. под термином «Литва» понималось всё государство, а под названием «литвин» – его гражданин. При этом понимание единого гражданства начинает доминировать над различными религиозными течениями в государстве. Статут декларирует, что права даются лицам «...так латынскаго закону, яко и греческого», а одна из его статей обязывает монарха «покой посполитый межы розорванными и розными людьми в вере и набоженстве заховывать» (р.3, ст.III). Тем самым законодательно были закреплены принципы свободы христианского вероисповедания и веротерпимости. Во всем последующем историческом развитии веротерпимость стала характерной чертой белорусского народа.

Многие положения Статута свидетельствуют и о его гуманистической направленности. Например, закон отрицательно относится к неволе человека и поэтому ограничивает источники невольничества, запрещает отдавать в неволю свободных людей и даже заменяет название «челядь невольная» на «челядь дворовую». Относительно женщин декларируется их право по своей воле выходить замуж и владеть имуществом. Закон запрещает беременную женщину присуждать к смертной казни, защищает ее жизнь двойным уголовным штрафом (головщиной) и даже вмешивается в привилегию церкви на развод. Кроме того, повышается возраст уголовной ответственности с 14 до 16 лет. Психически больные лица вовсе не подлежат уголовному наказанию, хотя и должны были находиться под семейным надзором. Интересно, что в некоторых случаях освобождались от ответственности и лица, совершившие преступления «по глупости», притом даже обвиненные в распространении порочащих, ложных сведений в отношении великого князя – «если бы хто з глупства або шаленства в том выступил» (ст.4, р.1). Принцип презумпции невиновности распространяется на простых людей (ст.3, р.XIV). Кроме того, установление в отношении шляхтича смертной казни за убийство простого человека выводило Статут на уровень самых прогрессивных законов своего времени.

Значительному развитию подверглись в Статуте 1588 г. положения о порядке пользования земельными и лесными угодьями, об охоте, рыболовстве, бортничестве (роздел десятый). Под защитой закона находились флора и фауна. Так, за уничтожение соколиного гнезда взыскивался значительный штраф - шесть рублей грошей, лебединого гнезда – три рубля и т.д.

Следует особо подчеркнуть, что Статут сразу после принятия был напечатан типографским способом на белорусском языке, что делало его понятным и доступным для всего населения. Именно этим гордился Лев Сапега, подчеркивая: «А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые не обчым яким языком, але своим власным права списанные маем и кожного часу, чого нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем» [13, с.48]. Многие ученые отмечали белорусский характер Статутов. Например, Ю.Бардах писал, что все Статуты были написаны на старобелорусском языке, который был государственным в ВКЛ [14, с.190].

В Статуте 1588 г. проявилась тенденция обобщения общеевропейского правового опыта, о чем свидетельствует статья, в которой говорилось: «А где бы чого в том статуте не доставало, тогды суд, прихилиячыся до ближшое справедливости водле сумнення своего и прикладом инных прав хрестияньских то отправовати и судити маеть» (ст.54, р.IV). Это был характерный для того времени законотворческий процесс, который, как отмечал Н.А.Максимейко, не мог нанести вред «национальному характеру права» [15, с.127].

Положения и нормы Статута 1588 г. значительно повлияли на все последующее законодательство, нашли отражение в Конституции Речи Посполитой 1791 г., способствовали тому, что и через 200 лет после издания он считался одним из наиболее совершенных европейских законов, о чем говорил на сейме Речи Посполитой известный политический деятель Гуго Каллонтай [13, с.38]. Статуты переводились на многие языки (латинский, польский, русский, немецкий и др.). Они оказали значительное влияние на законодательную и судебную практику соседних государств. Так, польские ученые (Ю.Бардах, Т.Островский и др.) отмечали, что в XVII - XVIII вв. пользовались Статутом 1588 г. в судах Польши как дополнительным источником права, а при разработке кодекса гражданского права в 1790 г. сеймовая комиссия взяла его в качестве образца [11, с.82].

Статут 1588 года служил образцом систематизации законодательства для многих государств. Например, он использовался в Московском государстве в качестве одного из источников права при подготовке Соборного Уложения 1649 года, для чего был переведен на русский язык. Многие нормы Соборного Уложения были изложены под сильным влиянием Статута 1588 года, о чем писали многие ученые. Например, российский историк права М.Ф.Владимирский-Буданов отмечал, что редакторы Соборного Уложения много заимствовали со Статута 1588 г., т.к. на полях оригинального «свитка» Уложения имеется 56 замечаний «из литовского» [16, с.337]. Известный знаток исторических источников права М.Н.Тихомиров, говоря о кодификационной деятельности царской канцелярии, отмечал, что она приняла в качестве образца лучший в Европе пример кодификации права, примеряя его нормы к отношениям Московской Руси [17, с.184]. В свою очередь Н.А.Максимейко,

писал, что «московские судьи, вопреки закону, который предписывал при неполноте закона обращаться к законодательной власти, пользовались однако Литовским Статутом, который и был этим путем рецепирован в Московском государстве» [15, с.15].

Юридическая ценность Статута 1588 г. была настолько значительной, что он продолжал действовать почти до половины XIX ст. на территории Беларуси (исключая ряд норм) и после ее присоединения к Российской империи в конце XVIII в. Официально он был отменен в Витебской и Могилёвской губерниях в 1831 г., в Минской, Гродненской и Виленской губерниях – в 1840 г. Сами законодатели не сомневались в его ценности, поэтому в Статуте и обращались к своим потомкам: “Чиним явно сим нашим листом всем посполите и каждому зособна нынешним и напотом будучим...” [13, с.42].

Отмечая положительные черты Статута, не следует, конечно, забывать, что это был закон феодального государства, который прежде всего заботился о правах сословия шляхты. В условиях феодализма прогрессивные нормы и правовые принципы не могли быть реализованы относительно всех категорий населения.

В целом же по своему уровню и правовой значимости Статуты являются историческими законами, стоящими в одном ряду с важнейшими европейскими памятниками права. После английской Великой Хартии Вольностей они явились крупным шагом в развитии европейского конституционализма. Кроме того, они стали действующими законами намного раньше, чем английский Билль о правах 1679 года. Для своего времени Статуты были достаточно совершенными законами, во многом ориентированными на будущее. Следует подчеркнуть, что в их положениях нашли отражение прогрессивные правовые идеи многих белорусских мыслителей того времени (Ф.Скорины, Л.Сапеги, М.Литвина, А.Волана и др.), что свидетельствует о богатой истории правовой культуры белорусского народа.

ССЫЛКИ

1. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории / А.Е. Пресняков. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. – М. Соцэкгиз, 1939. – 248 с.
2. Доўнар Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: «Адукацыя і выхаванне», 2014. – 416 с.
3. Юхо І.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / І.А. Юхо. Вучэб. дапам. – Мінск: «Універсітэцкае», 1992. – 270 с.
4. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: Дапаможнік / Я.Юхо, А.Абрамовіч, Т.Доўнар, У.Сатолін. – Мінск: БДУ, 2000. – 127 с.
5. Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён): Вучэб. дапаможнік / Пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд. дап. – Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.

6. Любавский М.К. Литовско-русский сейм: Опыт истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М., 1901. – 850 с.
7. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 254 с.
8. Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. / В.И.Пичета. – М. : Изд-во АН СССР, 1961.– 816 с.
9. Доўнар Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск: «Пропілеі», 2000. – 224 с.
10. Литовская Метрика (1528-1547). 6-я книга судных дел – Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 1995. –338 с.
11. Бардах Ю. Литовские Статуты – памятники права периода Возрождения / Ю. Бардах // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Пробл. взаимоотнош. Польши, России, Украины и Белоруссии в эпоху Возрождения : Сб. статей – М., 1976. – С.71-93.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 352 с.
13. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
14. Bardach, J. Leśnodorski B. , Pietrzak M. Historia ustroju i prawa polskiego. Wydanie piąte / J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. –Warszawa: wydawnictwo Prawnicze «LexisNexis», 2005. –668 s.
15. Максимейко Н.А. Источники уголовных законов Литовского Статута / Н.А. Максимейко. – Киев: тип. Ун-та св. Владимира В.И. Заводского, 1894. – 185 с.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права : Лекции / М.Ф. Владимирский-Буданов – Ростов-на-Дону : изд-во «Феникс». 1995, – 640 с.
17. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР: учебн.пособие / М.Н. Тихомиров – М.: Соцэкгиз, 1962. – Вып 1. С древнейших времен до конца XVII в. – 495 с.